

“Let Them Talk” (прим.: в переводе – «Пусть говорят») первый альбом, записанный Хью Лори после того, как заключил в 2010 году договор с лейблом Warner Bros Records. Продюсером этой работы выступил Джо Генри (Joe Henry). Записывался диск в Лос-Анджелесе и Новом Орлеане, этот альбом – прославление новоорлеанского блюза, жанра, который определяет музыкальный смысл существования Хью.

Одухотворенный альбомами подобного жанра, как например: Ry Cooder «Buena Vista Social Club» и саундтрек T-Bone Burnett «O’ Brother Where Art Thou», - работа Хью под названием «Let Them Talk» объединяет в себе необычный выбор культурно-исторических треков, прославленных музыкантов и легенды вокальных произведений, чтобы поддержать это очень запущенное наследие.

Весь альбом Хью держится на пианино и вокале, при участии самой Ирмы Томас, «Королевы Нового Орлеана», пианинный блюз и напевы великого Аллена Туссена, легендарного вокала Сэра Тома Джонса, и в особо значимом сотрудничестве над треком «After You’ve Gone» вместе с героем всей его жизни Dr. John.

Готовящийся к выпуску 9 мая, релиз этого альбома будет поддержан живыми шоу в Лондоне, Париже и Берлине, а также - совместным концертом с записью большей части альбома, снятом в студиях Kingsway Studios во Французском Квартале вместе с группой Хью и его великолепными партнерами в программе «New Orleans Oddyssey».

Хью Лори один из самых узнаваемых актеров во всем мире, имея более 200 миллионов

просмотров на YouTube, 18 миллионов последователей на Facebook (уступая лишь Леди Гага и Эминему) и 81 миллион зрителей сериала «Доктор Хаус» во всем мире! Но об альбоме лучше всего рассказывает сам Хью.....

Я родился в Алабаме в 1890-х. Сейчас Вы это уже знаете. Я никогда не ел овсяную крупу, не обрабатывал землю и не ездил в товарном вагоне. Никакая цыганка никогда ничего не говорила моей маме, когда я родился, и никаких злодеев не было на моем пути, насколько я могу судить. Пусть этот диск покажет, что я белый англичанин среднего класса, откровенно посягнувший на музыку и мифы американского юга. Если все это не так уж и плохо, то замечу, что я также и актер: один из тех избалованных дурней, кто ни разу не купил и буханки хлеба за последние 10 лет и не может найти дорогу в аэропорте без няньки. Я не удивлюсь, узнав, что у меня есть тату в виде какого-нибудь китайского символа на заднице. Или колене. Без разницы. Самое ужасное то, что я сломал главное правило искусства, музыки и карьерного роста: актеры должны играть, а музыканты должны заниматься музыкой. Вот так это работает. Вы не купите рыбу у дантиста, или не будете просить финансового совета у сантехника, так зачем же слушать музыку актера? Ответ прост – нет ответа. Если вас заботит происхождение и родословная, тогда вам нужно поискать где-нибудь в другом месте, потому что я вам не подхожу. Я начал брать уроки игры на пианино в возрасте 6 лет у г-жи Хэар. Она была приятной женщиной, возможно; но в моей искаженной детской памяти она предстает в роли бородавчатой убийцы, которая изводила меня раскаленными углями до-ре-ми. Я терпел около 3 месяцев, шлифуя первую часть учебника для начинающих по пианино, пока мы не добрались до произведения Swanee River Стефана Фостера. (Фостер, оказывается, был правонарушителем. Родился в Пенсильвании, он никогда не видел эту реку Савани – также как он никогда не был во Флориде, что сделало эту песню гимном штата в 1935 году. Это просто к слову.) Сейчас вы вряд ли можете назвать песню Swanee River блюзовой – в одной из своих самых ранних версий, эта партитура была продана как “An Ethiopian Melody” – но это было мне намного ближе, чем французские колыбельные и комичные польские танцы, которые составляли остальную часть этой чертовой книги. Пришел день, и г-жа Хэар остановилась на нужной странице: “Swanee River”, прочитала она, вглядываясь через пенсне, которые я придумал для нее 45 лет спустя. И тогда, изгибом своих волосатых губ она прочитала название: “ ‘Религиозное негритянское – в сокращении.’ О мой Бог, нет...”. Сказав это, она перевернула страницу на «Le Tigre Et L’Elephant» (в переводе – «Тигр и Слон»), или же на какой-то другой жуткий кошмар, и мои отношения с формальным музыкальным знакомством закончились. И однажды одну песню поставили на радио – я больше чем уверен, что это была «I Can’t Quit You Baby» Willie Dixon – и моя жизнь перевернулась.